

С. Н. ДОЦЕНКО

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду –
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...

(А. Пушкин. Борис Годунов)

Торговали лимонарь рукописный, да
дорого запросили, так только в руках

повертел.

(Из письма Ремизова А. Блоку, 1912 г.)

В 1912 году вышел в свет VII том "Сочинений" А. Ремизова, состоявший из литературных обработок апокрифических легенд – "отреченных повестей". Сам автор озаглавил его: "Лимонарь. Луг духовный" (под таким же "титлом" несколько повестей были напечатаны отдельной книжечкой в 1907 г.). Новое издание "Лимонаря" включало уже 23 повести и также сопровождалось пространными примечаниями с указанием "прототекстов" и объяснением отдельных сюжетов и мотивов. Значительная часть новых текстов представляла собой обработки легенд и сказок из сборника Н. Е. Ончукова "Северные сказки" (СПб., 1909), т.е. была написана в 1908–1911 гг. Новый "Лимонарь" открывался следующим предисловием автора:

"Проводя дни мои у некоего старца в научении, однажды ночью в смягчении души моей я зажег свечу и раскрыл книгу, забытую у меня старцем – наставником моим. Обращая ветхие листы, исписанные полууставом, я стал читать. И звезды ушли вместе с тьмою ночи, заря занялась, а я за книгою не слышал, как у Спаса Пречистого отзвонили к заутрене. С благословения старца – наставника моего, я расскажу вам из этой чудной книги, писанной полууставом, слово, притчу, повесть и сказание" (1).

Во-первых, сразу бросается в глаза несоответствие декларированного в предисловии и фактически имеющего место (что отражено и в примечаниях): "чудной книги", якобы включавшей вошедшие в "Лимонарь" повести, никогда не существовало. Нетрудно заметить, что Ремизов в основном использовал источники, уже опубликованные в сборниках и исследованиях по фольклору и

древнерусской книжной словесности (А. А. фанасьева, Н. Ончукова, А. Веселовского, Н. Тихонравова, И. Порфирьева, П. Безсонова и др.). К рукописному сборнику восходят только повести "Властелин", "Притча Златоустова" и "Злоубийца", что оговаривает сам автор. Речь идет о рукописном сборнике XVII века, подаренном Ремизову "казанским книгоцнем" Н. Н. Моисеенко (2). Видимо, именно о нем писал Ремизов И. А. Рязановскому 3 сентября 1909 г.: "В Казани у одного знакомого в библиотеке нашел сборник рукописный. Сборник заключает в себе слова Иоанна Златоустого, слово Андрея Юродивого, Никодимово Евангелие, Поучение Афанасия Александрийского и, наконец, то, что меня наиболее заинтересовало – "Слово о некоем властелине зле" (прилагаю при сем это "слово")" (3). В том же письме Ремизов сообщал: "Мне хотелось бы это "слово" пересказать и поместить в мой "Лимонарь" " (4).

Возникает вопрос: был ли в действительности "старец", а если был, то кто он? На него можно ответить вполне определенно.

В 1907 г. Ремизов познакомился с И. А. Рязановским, "костромским книжником и ученым археологом", к которому до конца жизни сохранил чувство огромной благодарности и признательности. Ремизов часто называл Рязановского "старцем", тем самым подчеркивая свое преклонение перед знатоком древнерусской письменности и археологии. В письмах к Рязановскому Ремизов часто советуется по поводу тех или иных апокрифов, летописей, повестей и сказаний; просит сделать списки с интересующих его рукописей, наводит библиографические справки, делится замыслами и планами (в том числе – в связи с работой над 2-м изданием "Лимонаря"). 3 сентября 1909 г. он пишет: "'Христова Крестника" я попробовал изобразить, напечатан он в пасхальном № "Речи". Для "Лимонаря" мне хотелось бы его дополнить, и для примечаний знать тексты. Тоже прошу вас, сообщите их мне" (5). "Действо о Георгии написал, но всякие подробности буду делать у Вас. Но июнь месяц к Вам приеду в Кострому" (6 марта 1911 г.) (6). "Сейчас меня интересует Морольф. Где я мог бы прочитать масляничное представление о Соломоне и Морольфе, игру о црь Соломоне? Есть у меня одна затея, о которой расскажу Вам" (27 июля/9 августа 1911 г.) (7). "Хочется мне еще, сидя у Вас, начать некую повесть от словес Иоанна блудоборца" (1/14 июля 1912) (8). "Писал я вам и еще пишу, сделайте милость, спишите мне из пролога Вашего об Аврамии Ростовском 29 окт." (20 августа 1914 г.) (9). С аналогичными просьбами Ремизов обращался к Рязановскому и в дальнейшем. Указаниями и советами Рязановского Ремизов пользовался и при написании цикла патериковых легенд "Бисер малый". В подзаголовке цикла прямо значилось: "От словес Дебреньского старца" – именно так Рязановский

подписывал свои письма Ремизову, а в примечании Ремизов уточнял: "Для сочинения пользовался я рукописным коломенским прологом XVI в. и Лицевым рукописным подлинником с.Урень, Варнавинского у. Костромской губ. — из собр. И. А. Рязановского" (10).

Позднее, в книге воспоминаний "Подстриженными глазами" (гл. "Книжник"), Ремизов будет писать:

"Мне посчастливилось неделю провести на его костромской родине <...> За неделю среди книжных сокровищ я не то что выкупался, а, прямо сказать, выварился в книгах. В эти незабываемые дни не могло быть и речи заснуть. Сам бессонный хозяин подымал меня ни свет, ни заря, да и среди ночи, вдруг вспомнив о каком-нибудь замечательном первом издании или рукописной, мне очень полезной книге, он входил ко мне со свечой по-ночному в халате с уцепившимися и висевшими на концах пояса котятками, от которых он отбивался, но не руками, занятыми книгой и свечой а своим костромским окликом с торжественным "о". Уткнувшись в книгу и уже забыв обо мне, он вычитывал восхищавшие его строки или, оглядывая книгу через двойные очки, принимался рассказывать историю ее, припоминая мелочи покупки и о собственнике-предшественнике и тоже книжнике. За семь дней и семь ночей я узнал о книге не как о библиотечном явлении, но о книге в ее сущности, о книге в "себе самой", и понял, что такое книжник в царстве своих книг" (11).

Воспоминания Ремизова, как кажется, проливают некоторый свет на биографический подтекст предисловия к "Лимонарию". Обращает на себя внимание ряд совпадающих мотивов: бессонные дни и ночи, чтение книг и древних рукописных сборников, свеча. Следовательно, в "неком старце" предисловия должно видеть И. А. Рязановского. А дни, проведенные "в научении" — время пребывания Ремизова в Костроме. Эта более чем правдоподобная версия подтверждается письмом Ремизова Рязановскому от 3 сентября 1909 г.: "Собирался к Вам в Кострому поучиться <разр. моя — С. Д.> у Вас" (12). Остается уточнить, когда же Ремизов был у Рязановского в Костроме. Судя по письмам, он собирался приехать туда еще в 1909 г. Но ни в 1909, ни в следующие два года поездка по разным причинам не состоялась. С начала лета 1912 г. Ремизов снова неоднократно сообщает Рязановскому о намерении посетить его в Костроме. Так, 3 июля 1912 г. он пишет: "Дорогой Иван Александрович! Только что вернулся в Петербург и "Додона" нашел у себя с письмом Вашим. Числа 7-ого хотел бы к Вам выехать в Кострому, боюсь, дома ли Вы? Известите меня по получении письма сего, может, телеграфируйте. Привезу и "Додона". Хочу в Костроме воздухом — духом Русским подышать" (13). На этот раз намерение Ремизова осуществилось.

Как указывает сам Ремизов, он пробыл в Костроме с 10 по 20 августа

1912 г. (14). Казалось бы, предисловие написано по свежим следам в связи с посещением Рязановского, но, как это ни странно, дело обстоит иначе. Предисловие было написано ... еще до поездки Ремизова в Кострому. VII-ой том вышел в свет в конце февраля—начале марта 1912 г., а в Костроме Ремизов побывал только в августе! Описанная в предисловии картина не является отголоском действительного события, а вымышлена автором до того, как имела место. Ремизов идет не от факта к образу, а наоборот: вначале он моделирует ситуацию (Рязановский — "старец", учитель, наставник, а Ремизов — ученик, находящийся "в научении"), и затем уже она обрастает бытовыми реалиями (ср. хотя бы такую деталь, как котятка, повисшие на поясе хозяина — их придумать было бы затруднительно; хотя Ремизов был способен на любые мистификации, все-таки многие факты в его автобиографической прозе кажутся достоверными). В данном случае поздний "мемуар" есть не только описание реального события ("факта"), но и реализация изначально заданного "сценария". Достоверность воспоминаний не безусловна, ибо они тоже создаются с оглядкой на предисловие. Другими словами, предисловие — идеальная модель, под которую подгоняется действительное событие (посещение Рязановского) и его последующее осмысление и последующая интерпретация (воспоминание). Об этом говорит и такая деталь, как несовпадение реального срока пребывания Ремизова в Костроме (10 дней) и указанного в воспоминаниях ("семь дней и семь ночей"). Можно было бы это разночтение списать на счет забывчивости мемуариста. Но для Ремизова ошибка памяти — не дефект, а конструктивный принцип воспоминаний, согласно которому отклонение от истины факта есть скорее приближение к ней. Ремизов конструирует свою "автобиографию", а точнее — "мифологизирует". В этом смысле число "семь", конечно, более "мифологично" (а значит — более истинно).

Переплетение вымысла и фактов — обычное явление в автобиографической прозе Ремизова, отвергающей хронологию и вообще привычную "логику". Не случайно подзаголовок книги "Подстриженными глазами" — "Книга узлов и закрут памяти". В ней нет хронологической и логической последовательности различных событий его жизни, зато намеренно перепутаны "концы" и "начала":

"Узлы памяти человеческой можно проследить до бесконечности. Темы и образы больших писателей — яркий пример уходящей в бездонность памяти <...> Узлы сопровождают человека на путях жизни: вдруг вспомнишь или вдруг приснится: в снах ведь не одна путаница жизни, не только откровение или погодные знамена, но и глубокие, из глубины выходящие, воспоминания. Написать книгу "узлов и закрут", значит написать больше, чем свою жизнь.

датированную метрическим годом рождения, и такая книга будет о том, "чего не могу позабывать" (15). Пользуясь определением автора, можно сказать: перед нами – типичная "закрута памяти", понятая как художественный принцип. В результате "факт", реальное событие логически и хронологически есть следствие некоторого про-образа, созданного мыслью Ремизова. Впрочем, кардинально меняется само понятие "факт". Это не то, что было, а то, что могло быть или что должно было произойти. Поэтому тема предопределенности судьбы человека и всего происходящего с ним – ключевая в творчестве Ремизова. Встреча с Рязановским – судьба. И это то событие, которое должно было произойти рано или поздно и от воли Ремизова не зависит. Естественно, его можно предсказать, предугадать. Отметим, что в восприятии Рязановского Ремизовым сильны мотивы провиденциальности: "Образ Ивана Егорыча Забелина ожил и как бы продолжается в костромском книжнике и ученом археологе Иване Александровиче Рязановском, встреча с которым также неизгладима, а чувство мое признательно и благодарно" (16). Иными словами, и И. Е. Забелин, московский историк и археолог (17), и "костромской книжник" И. А. Рязановский – оба были реальным воплощением образа учителя и наставника, сыгравшего важную роль в жизни Ремизова.

В Рязановском Ремизов видел прежде всего "книжника", продолжателя традиций древнерусских книгописцев с их особенным отношением к книге. И себя Ремизов также причисляет к книгописцам, сочиняя легенду ("историческую сказку"): "Я, московский рядовой книгописец, имя мое в пислах не громко, я простой человек, не "Еркул", как все мы величали Ивана Александровича Рязановского, костромского книгописца и грамматика. "Еркул" один из всех нас писал павьим пером и был, как говорилось, "так хитер в Божественных книгах, что никто не смел перед ним от книг глаголити", а уж как букву ставит, заплетет и выведет – Филаретовское евангелие, наша московская гордость, его рук дело" (18). Переноса себя и Рязановского в Москву XVI века, Ремизов мыслит себя не иначе как писцом. "Переписывал я на заказ, да и так, для души "Люцидарий", две книги жидовствующих: "Аристотелевы врата" (Тайная тайных) и "Логику" Моисея Маймонида; индейскую повесть на языке зверей и птиц: "Стефанит и Ихнелат", "Трепетник" иерограмматика Гермеса и Меланпода Александрийского, Громник, Колядник, Мартолог, Царевыносудцы, Ухозвон, Мысленик, Естественник (Физиолог), Звездосказание, Метания – приметы, гаданья и апокрифы" (19). Ремизовская игра – не просто причуда, несколько курьезная. В ней – обоснование авторской позиции, так как книгописцем осознавал себя Ремизов и в XX веке. Или, по крайней мере, продолжателем и

хранителем забытой традиции: "В сказках я продолжал традицию сказочников, а в письме – книгописцев <разр. моя – С. Д.>" (20). В этой позиции – ключ к пониманию метода работы Ремизова над апокрифами и другими средневековыми источниками. Он не просто заимствует, не просто пересказывает и стилизует, но и воспроизводит процесс работы древнерусского книгописца над книгой. Об этом он рассказывал своей собеседнице – Н. Кодрянской: "Я работал так: сначала изучение истории. Мне история дает толчок на воспоминание. Раньше переписал народную сказку о Бове (изд. Шаркова). Потом я нарисовал картинку к Бове. Потом взял исследование А. Н. Веселовского о Бове и редакции – итальянская, французская, английская и русская XVI в. Это как вехи. Я прочитал также много вариантов, так вышел Бова – повесть. Точно так же я работал над "Саввой Грудцыным", "Соломонией" и "Мелюзиной". Прежде нарисую – потом напишу" (21). Обращает на себя внимание: "раньше переписал" ... С точки зрения здравого смысла этап переписывания прототекста кажется совершенно напрасным и даже бессмысленным, лишней тратой времени и сил. Но для Ремизова в этом переписывании заключался особый смысл. Он не только вживался в образ книжника – переписчика древних рукописей. Переписывание, начавшись с увлечения каллиграфией, становится культурно значимым жестом, без которого немислимо творчество, ориентированное на средневековые каноны. Ремизов не только воспроизводит содержание древних рукописей, но по возможности – их формальные черты. Полуустав или старинные прописи из формальных элементов превращаются в элементы содержательные, ценные сами по себе. Этот аспект ремизовского письма пронизательно подметил художник Ю. Анненков: "... Почерк его, бравший корни из древнеславянского буквенного сплета, превращался в каллиграфическую симфонию углов, закорючек и росчерков, которыми порой можно было любоваться, даже и не вникая в то, что там было написано" (22).

В условиях господства печатной культуры обращение Ремизова к рукописной традиции повышает семиотичность этого жеста. Своими рукописями, своей каллиграфией, используемой также в письмах, документах, деловых записках, Ремизов восполняет недостаток культуры рукописной (23). Примечательно, что он считает нужным переписывать и уже напечатанные свои произведения, причем не только для друзей и знакомых (в подарок), но и для себя. Тем самым он возвращает печатную книгу в ее первоначальное и более естественное состояние, форму бытия: рукопись.

"В это время я трудился над перепиской моей повести: на больших листах полуустав с красными и голубыми заглавными буквами..." (24) вспоминал Ремизов о работе над повестью "Что есть табак" (1906). Причем переписывал

он книгу уже напечатанную. Ремизов, по его же словам, в детстве испытывал "какой-то непонятный страх перед печатным словом" (25). В дальнейшем этот мотив, эксплицирующий противопоставление рукописной и печатной книги (а шире — культуры), получит развитие в одной из придуманных им "исторических сказок": "При первопечатнике Иване Федорове я был писцом, и под грозой печатного слова в отчаянии поджег типографию на Никольской, "Печатный двор"... (26). Печатный станок для Ремизова означает конец древней рукописной культуры: "как пришел Гостунский дьякон и литыми литерами расплющил мое живое воронье перо, и нашему рукописному искусству крышка" (27). Рукопись для Ремизова — не промежуточный этап в движении от замысла к печатному тексту, а единственный полноценный способ бытия книги. Поэтому он и хочет превратить печатную книгу в рукописную, или, по крайней мере, придать ей рукописный колорит. Так, например, апокриф "Пляс Иродиады" (Берлин, 1922) напечатан шрифтом, стилизованным под скоропись Ремизова, к тому же без пагинации, что более свойственно книге не печатной, а рукописной. И хотя в результате получилась все-таки "печатная" книга, само намерение знаменательно. С желанием восстановить рукописный облик книги связано и жанровое определение повести: "свиток" (явление, органически присущее рукописной культуре с традицией "плетения словес"). Отсюда и любимые Ремизовым: "росчерк и завтушка". Интересно и другое. Глубоко осознанная Ремизовым позиция книгописца предписывала соблюдение правил литературного этикета. Этикет же предполагал обращение переписчика к авторитету духовного наставника, "повелением и благословением" которого книга создается. Это — общее место предисловий (и послесловий) многих рукописных сборников XVI века, столь любимого Ремизовым. Переписчик одного из сборников собрания Волоколамского монастыря уведомлял: "В лето 7044-го съвършися книга сия съборник повелением и благословением господина отца нашего игумена Нифонта..." (28). То же — в предисловии к "Житию Иосифа Волоцкого" первой половины XVI в.: "И о сем тръпети ми не могушу, известих сия великому святителю пресвященному Макарию митрополиту всея Руси— он же повеле ми и благослови. Аз же грешный <...> дерзнух по благословию и по повелению великаго святителя мало нечто изъявити..." (29). В заключении к "Житию Михаила Клопского" книгописец также ссылается на авторитет архиепископа Макария: "К сему блаженному придох аз благословение приити. Он же повеле ми писати повесть о житии святаго и сего и чудотворца Михайла" (30). Следование литературному этикету переписчиков XVI века в предисловии Ремизова очевидно, ибо он использует ту же этикетную формулу: "С благословения старца — наставника моего, я расскажу вам из этой чудной

книги..." В том, что Ремизов хорошо знал эту традицию предисловий и послесловий, сомневаться не приходится. Причем знал с раннего детства: "... Жития из Макарьевских четий-миней, - вот моя первая грамота и наука после сказок, росказней, докук и балагурья" (31). В соответствии со средневековой книжной традицией, не знавшей "авторского права", Ремизов и выступает в роли переписчика, "редактора" книги, а не "автора" в современном понимании. Возможно, именно в связи с этим находится нередко высказываемое Ремизовым сомнение в праве называться писателем (ср.: "долго не мог принять я имени "писатель"" (32)), вплоть до отказа от этого звания вообще (особенно после случая обвинения в плагиате в 1909 г.): "Писали в московских газетах, не помню, не то в "Русском листке", не то в "Раннем утре", чтобы "вычеркнуть меня из писателей" - чудачки! Да у меня тогда и претензии этой ну нисколько не было - какой я там писатель!" (33).

В книге воспоминаний "Иверен" он скажет еще категоричнее: "А никогда я не собирался "поступать" в писатели" (34). Отношение Ремизова к понятию "писатель", к самому писательскому труду восходит к средневековой книжной традиции. Последняя объясняет и другую черту ремизовского творчества: многофункциональность текста. А именно - возможность его включений в различные по содержанию и составу сборники и книги автора. Исследователи творчества Ремизова давно заметили, что одно и то же произведение он может включать то в сборник рассказов, то в сборник "отреченных повестей", то в различные автобиографические книги. Более того, один и тот же текст может предстать в различных вариантах. Т. е. Ремизов постоянно "редактирует" ("переписывает") свои произведения (что ставит в трудное положение издателей и составителей). В конечном счете выясняется, что "канонический" текст в принципе не существует, и речь должна идти о нескольких "редакциях", в равной мере авторитетных (35).

Возродить в XX веке давно утраченную культурную и литературную традицию Ремизову, естественно, не удалось, но сама попытка делает его писательскую позицию исключительно своеобразной, в значительной степени не до конца понятой ни современниками, ни читателями последующих поколений. Хочется надеяться, что наше небольшое разыскание окажется шагом в осмыслении творчества Ремизова и его уникального положения в русской литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ремизов А. Сочинения. - СПб.: Шиповник, [1912]. - Т. VII. - С. [13].

2. Там же. – Т.VII. – С.200.

3. ОР ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед.хр. 31. Л. 1. В указанном фонде списка "слова"

нет.

4. Там же.

5. Там же. Л.1 (об.).

6. Там же. Л.18.

7. Там же. Л.23.

8. Там же. Л.29.

9. ОР ГПБ. Ф.634. Оп. 1. Ед.хр.32. Л.34.

10. Ремизов А. Подорожие. – СПб.: Сирин, 1913. – С.257.

11. Ремизов А. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. – Париж: YMKA PRESS, 1951. – С.154–155.

12. Ф. 634. Оп.1. Ед.хр. 31. Л.1.

13. Там же. Л.31.

14. См.: Ремизов А. М. <Адреса его и маршруты поездок> // ОР ГПБ. Ф. 634. Оп.1. Ед.хр. 3. В письме А.Блоку от 20 августа 1912 г. Ремизов сообщал: "Насмотрелся я старины, надышался русскою речью <...> Ходил ко всенощной в собор: Федоровская икона там есть Божьей матери ("Евангелист Лука писал"). По вечерам Пролог читали (рукописный) времени прѣ Василя Ивановича. Пролог так и не дочитал (612 стр.), сегодня в путь" (Литературное наследство. – М., 1981. – Т. 92. – Кн. 2. – С.110). Пролог Ремизов читал, конечно же, у Рязановского.

15. Ремизов А. Подстриженными глазами. – С.5.

16. Там же. – С.153.

17. И. Е. Забелин бывал в доме Н. А. Найденова, дяди Ремизова по материнской линии, где писатель и видел его в отроческие годы: "Потом выступил какой-то старик, говорил он тихо, но очень явственно: а рассказывал он о гостунском дьяконе, первопечатнике Иване Федорове, о московских мастерах–переписчиках, и как построили в Москве первую типографию, "Печатный Двор" на Никольской, и как писцы, подстрекаемые духовенством, сожгли типографию <...> И мне непременно захотелось узнать, кто был тот старик рассказчик, пробудивший мою дремавшую память, – и мать мне сказала, что это большой приятель моего дяди Н. А. Найденова, историк Иван Егорыч Забелин" (Ремизов А. Подстриженными глазами. С.126). О сотрудничестве Н.А.Найденова и И.Е.Забелина см.: Б у р ы ш к и н П., А. Москва купеческая. – М., 1991. – С.139–140.

18. Ремизов А. Пляшущий демон // Ремизов А. Огонь вещей. – М., 1989. – С.273.

19. Там же. – С.275–276.

20. Ремизов А. Подстриженными глазами. – С.45.

21. К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов. – Париж, 1959. – С.115. Хотя речь идет о поздних произведениях Ремизова, сам метод работы был найден и осознан гораздо раньше – еще в 1900-е годы. На этот счет имеется свидетельство самого Ремизова: "Занимался я "Бесовским Действом": читал всякие источники и русские, и немецкие. И пришло мне в голову п е р е п и с а т ь <разр. моя – С. Д.> для В. В. Розанова из Киево-Печерского Патерика житие Моисея Утрина – замечательную историю любви" (Р е м и з о в А. Кукха: Розановы письма. – Берлин, 1923. – С.779–780).

22. А н н е н к о в Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. – М.: Сов.комполитор, [1991]. – С.228. Ср.: "Ремизовская книга находит для себя образец в средневековой рукописной книге, стремится воспроизвести не только ее словесное богатство и устный строй – ее "голос" – но и всю графическую традицию, вкус к украшенной странице, к расположению заглавных и прописных букв, к всему образному оформлению рукописного изделия" // Антонелла д'А м е л и я. Неизданная книга "Мерлог": Время и пространство в изобразительном и словесном творчестве А. М. Ремизова // Aleksey Remizov: Approaches to a Protean Writer. - Columbus (Ohio), 1987. - p.147.

23. См. об использовании Ремизовым каллиграфии в житейских, бытовых ситуациях: "Вспоминаю, как Алексей Михайлович ходил в префектуру подавать прошение о возобновлении картдидактите. В то время в префектуре приходилось проставать в очередях часами, иногда и по два дня. Когда Алексей Михайлович собрался пойти, было очень холодно, и он оделся не совсем обычно: поверх пальто закутался в длинную красную женскую шаль, перевязав ее на груди, как это делают бабы, крест-накрест; на голову надел еще вывезенную из России странной формы высокую суконную шапку, опушенную мехом. Сгорбленный, маленький, в очках, с лохматыми, торчащими вверх бровями, в невероятно больших калошах, зашагал в префектуру. В руках нес прошение на гербовой бумаге, расписанное им самим и разукрашенное разными заставками и закорючками: без сомнения, самый удивительный документ, когда-либо поданный в парижскую префектуру. При виде такого необычного просителя ряды разомкнулись, и Ремизов без задержки прошел в здание. Чиновники, конечно, тоже сразу обратили внимание на его прошение, один подозвал его вне очереди. Алексей Михайлович потом, посмеиваясь, рассказывал: "Чиновник оказался большим любителем "каллиграфии" и пришел в восторг от моего прошения". Оно обошло всю префектуру, и Алексей Михайлович тут же, без проволочки, получил свое удостоверение, что обычно так легко не делалось" (К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов. – Париж, 1959. – С.15–16).

24. Р е м и з о в А. Встречи: Петербургский буерак // Ремизов А. Огонь вещей. — М., 1989. — С.354.
25. Р е м и з о в А. Подстриженными глазами. — С. 147. О предпочтении, отдаваемом рукописной книге (или — рукописи вообще) свидетельствует и такая реплика Ремизова: "Сам я в рукописи читал свое, а напечатанное — никогда..." (Р е м и з о в А. Иверень: Загогулины моей памяти: Berkeley, 1986. — С.14).
26. Р е м и з о в А. Подстриженными глазами. — С.130.
27. Р е м и з о в А. Пляшущий демон... — С.281.
28. Цит. по: Д м и т р и е в а Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. — Л., 1974. — Т. XXVIII. — С.215— см. также С.217.
29. Великие Миней Четьи. — СПб., 1868. — сентябрь. — дни 1-13. — стлб. 453-454.
30. Повести о житии Михаила Клопского / Подг. текстов и статья Л. Дмитриева. — М.— Л.: АН СССР, 1958. — С.167. см. подробнее: Д е м и н А. С. Русские старопечатные послесловия второй половины XVI в. // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. — М.: Наука, 1981. — С.47-52.
31. Р е м и з о в А.. Автобиография. 1912. // ОР ГПБ. Ф.634. Оп.1. Ед.хр. 1. Л.9.
32. Р е м и з о в А. Подстриженными глазами. — С.57.
33. Р е м и з о в А. Кукха: Розановы письма. — С.83.
34. Р е м и з о в А. Иверень: Загогулины моей памяти. — С.16.
35. См. об этом: Р а е в с к а я-Х ь ю з О. Последняя автобиографическая книга А.Ремизова // Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. —Berkeley, №986. — С.285-286.